

Азия

Из поэмы «Марна Лоцава»

О, Матерь Азия! Куда
в пустыне движется безбрежной
твоих столетий череда
верблюжьей поступью неспешной?
Твоих равнин безмолвный сон
едва ли был когда нарушен,
хоть без числа по этой суше
прошло народов и племен,
царей и ханов с их войсками, —
их царства, что в огне войны
и на костях возведены,
все погребла ты под песками.
Твой дух — сочувствие и труд —
не славой воинской увенчан, —
бесстрастной мудростью он вечен
и бронзой молчаливых Будд.
Он скрыт меж пальмовых страниц,
и в ступах, и в камнях гробниц,
и в пыльных городских кварталах,
в пещерах и в монастырях,
в дымке на древних алтарях,
и в храмах, высеченных в скалах.
Он над селеньями плывет
печальной песней, что поет
над колыбелью индианка;
он до начала всех веков
рожден в обители богов,
омыт в священных струях Ганга.

О, Матерь Азия! Не все
твои постигли мы уроки
тех дней, когда во всей красе
взошла ты солнцем на востоке.

Тот день остался позади,
под толщей времени сокрытым...
А ты по-прежнему в пути, —
в пути, копытами изрытом.
Но так бывает — под песком
былое древним черепком
нет-нет да хрустнет под копытом.
Ты не исчезла без следа,
ты просто сильно изменилась, —
за горизонт твоя звезда
пока еще не закатилась.
Еще не приговорено
твое наследие к забвенью;
еще практичностью и ленью
не все в пыли погребено
на дне засохшего колодца.
Настанет день, когда возьмется
другой герой твой груз везти
по караванному пути
в жаре, сменяющейся стужей,
по перевалам и пескам,
по горным тропам, к облакам
неспешной поступью верблюжьей.

Чайный мастер

Янтарного чаю налейте в стакан!
О мастере я расскажу неизвестном.
Давно это было — династия Тан
тогда управляла страной Поднебесной.

Там домик стоял при дороге в Чанъань
и садик при доме со сливой засохшей.
В нем жил старый мастер учения Чань,
он чаем поил за монетку прохожих.

А нету монетки — и так наливал,
ведь старому мастеру много ли надо?
Другим человеком прохожий вставал
со старой скамьи придорожного сада.

Гостей угощал тот старик тишиной,
но тишиной необыкновенной, —
была она словно какой-то иной,
звнящей из самого сердца вселенной.

Бывало, чиновник, укрывшись от дел
здесь постигал, сколь тревоги напрасны;
бывало, солдат здесь усталый сидел,
чья служба трудна и походы опасны.

И воин всю жизнь этот день вспоминал,
быть может, единственный в жизни счастливый,
когда он покой и свободу вдыхал
за чаем в саду возле высохшей сливы.

Или торговец, чья участь грустна, —
совсем разоренный, чье дело пропаще,
увидит, как в чашке мерцает луна,
и вдруг улыбнется, — ведь все преходяще.

И так бесконечные годы текли.
С рассветом старик выходил за ворота,
и каждое утро в дорожной пыли
смотрел на восток в ожиданье кого-то.

И вот как-то в мае, в год тигра-огня,
пришел человек из далеких провинций,
что с посохом мастера день изо дня
кружил по стране перелетною птицей.

И взгляды их встретились, и прорвались
подпорки последние ветхой плотины,
и два океана в единый слились,
и ввысь устремились потоком единым!

...Всю ночь в очаге остывала зола,
и молча сидели два мастера эти.
Засохшая слива в ту ночь расцвела —
и мир засверкал миллионом соцветий!

И утро ворвалось в открытую дверь:
«Пришло твое время — вставай, ты проснулся!
И с прошлым прости — ты свободен теперь!»
О, как этот сон бесконечно тянулся!

Как долго он в нем по дорогам блуждал,
куда-то стремился в ревущих потоках,
в холодное небо с ветрами взлетал
и падал засохшей листвою при дорогах.

Все кончилось, — можно ль о чем-то жалеть,
когда уже больше не держат колодки?
И в доме остались лежать на столе
две чашки, да посох, да старые четки.

А солнце смеялось, и травы цвели,
и птицы в листве над дорогой резвились.
Два мастера в горы в то утро ушли,
и там в облаках навсегда растворились.

...Давно это было, — уже не найти
о мастере в книгах строки сокровенной,
но старая слива осталась цвести
улыбкой из самого сердца вселенной.

Детство. Начало девятого века

А было ли детство? Под хвоей сосновой,
под накипью прелой плетенки дерновой,
под толщей земли, меж корней, под камнями,
под слоем золы пепелиц с головнями,
под спудом замшелых томов многолистных,
в густой киновари страниц летописных,
под стенами темных церквей закопченных,
в сырых подземельях богов заточенных,
где капища срыты их цоколей ниже —
не там ли осталось? Ведь это все — мы же!

Случалось ли с вами? — на вольном просторе,
бывало, нечаянной грустью повеет,
иль в гусельных струн вековом переборе
послышится что-то, и сердце поверит —
поверит в невинность далекого детства,
в года чистоты, простоты и покоя,
когда лихолетий бессчетные бедства
еще не коснулись нас черной рукою.
Привидится терем с резною оградой,
и девица с прялкой в наряде старинном
в светлице, готовая принять, по обряду,
гостей дорогих, приглашенных к смотринам.
И как, покрывая сажени и версты,
скользят по морозному инею сани,
и сказочный челн, изукрашенный пестро,
к лесистому берегу утром пристанет;
как с дымом печным из родных поселений
туман оседает на сжатые нивы,
и льются напевы былых поколений,
что в скомканной памяти все еще живы...

И прошлое видится в солнечном свете,
как будто и не было стольких столетий,
как будто и не было многих печалей,
и словно бы время застыло в начале —
не время еще ни походам, ни тризнам,
варяги за морем, и Рюрик не призван,
и вид у соседей не грозен, а ласков,
и мир на сословья еще не распластан,

и родичи вместе, в единой дружине,
покуда не стали друг другу чужими...
И мир был бесхитростен, прост и обычен —
враг, если и был — только иноязычен,
а если и смерть — то уж лучше от стали,
а если уход — только в светлые дали...
По павшим не выли — таков уж обычай:
у жизни и смерти так мало различий —
где прадеды наши? Да вот они, рядом —
из красных углов смотрят ласковым взглядом...
А как вечерялось при свете лучинном!
И как сладок сон под тулупом овчинным!
И как зачарован был детский наш разум,
внимая былинам и дедовским сказам!

И верили мы, сомневаться не смея,
в тот мир за мостом через черную реку,
куда не пройти мимо логова змея
ни птице, ни зверю и ни человеку.
Там, в заводях, в темных лесах, за ручьями,
чьи воды мертвы, — меж миров пограничье,
там бледные нави* блуждают ночами,
маня за собой и меняя обличье.
Там, в кладезях древних, в местах потаенных,
где ползают змеи по мшистым ступеням,
а вещицы птицы на кронах зеленых
баюкают путников сладостным пеньем, —
там скрыты великие тайны от смертных,
что свято хранимы в подземном народе,
о чудах предивных, богатствах несметных,
и глазу незримой стране — Беловодье.
Там был, говорят, Святогор заколдован —
поныне, в горах, в тихом месте безлюдном,
в дубовой колоде, цепями окован,
спит витязь до срока, спит сном беспробудным...

А быть то иль небыль — да кто ж его знает?
Все время нещадно во тьму окунает,
и что нам от нашего детства осталось?
Немного осталось — лишь самая малость, —
остался лишь дым над травой примятой,
и запахи хвои, полыни и мяты,
остались былины, что правнуки сложат,
да эти напевы, что сердце тревожат...
Но сколько же в них затаенной печали! —
быть может, о том, что осталось вначале,
задолго до вешего князя Олега, —
в далеком начале девятого века.

* *Навь* (мифол.) — у некоторых славянских народов: мертвец, вставший из могилы; призрак мертвеца. *Навий* (прил.) — навьи чары.

Пророчество Наропы*

Из поэмы «Марпа Лоцава»

(перевод с тибетского, источник — «Жизнь Марпы»,
Трактхунга Гьялпо Цанг Херуки, XV век)

«Благие прошлого следы —
исправной практики плоды —
все воплотились ныне в это, —
ты — Марпа**, — йогин, что познал
простую истину начал,
ты — переводчик из Тибета.
Ты — птица в небе без границ
пяти семейств парящих птиц
в пространстве радости и света.
И, в вышине умом паря,
в руках вселенского царя
ты держишь множество сокровищ.
И хоть — увы! — Небесный цвет
твоей семьи сойдет на нет,
но школа — та, что ты построишь —
как полноводная река
нести сквозь многие века
свои не перестанет волны.
И хоть желаний власть сильна,
как те на скалах письмена,
что времена стереть не вольны —
сансары волны опадут,
ученики к тебе придут,
как сыновья в веках грядущих,
как дети львов и птиц Гаруд,
и каждый твой продолжит труд
и будет лучше предыдущих.
И будет много славных лам,
благодаря твоим делам,
счастливой карме, убежденью,
суть махаяны прозревать,
и очень быстро созреть,
и приходиться к освобожденью.
Ты — царь из множества веков
достоинейших учеников.

*Наропа (956–1040) — индийский тантрический мастер йоги (махасиддха) из Каши-мира, создатель знаменитой системы «Шести йог» и учитель тибетского подвижника Марпы (1012–1096).

**Марпа Лоцава (1012–1096) — тибетский буддийский подвижник, путешественник, переводчик буддийских текстов на тибетский язык, основатель одной из четырех главнейших школ тибетского буддизма — Карма Кагью.

Теперь же предстоит тебе
в край, что зовется У, в Тибет,
на север в путь идти обратный
и там продолжить славный труд.
Иди в то место, где растут
леса, чей воздух ароматный
на склон горы несут ветра,
и где цветет обилье трав,
что все недуги исцеляет.
Там ты найдешь наверняка
везучего ученика —
он, несомненно, представляет
наидостойнейший сосуд
для высших поучений Будд.
Иди к нему — и будьте светом,
несущим счастье существам.
Успех сопутствует в том вам,
и я не сомневаюсь в этом.

Но силой близости сердец,
как сын и любящий отец,
а также силой пожеланий,
воедино слив свои умы,
где Ясный Свет пребудем мы
превыше встреч и расставаний.
Так предназначено судьбой —
и в этом мире я с тобой,
и в жизни будущей, нетленной,
в небесном мире чистоты,
куда придешь однажды ты,
тебя я встречу непременно.
Все будет так когда-нибудь,
и в этом ты спокоен будь».

Солнце над Гангом

Из поэмы «Марна Лоцава»

Однажды все случится так:
проснешься утром — мир в цветах
и солнце светит по-другому...

...И воздух тоже был другой
над желтой медленной рекой,
подобной спящему дракону.
Так уходил от Марпы сон.
Вчера в пути внезапно он
сморил его — глубокий, сладкий,

там, где его застала ночь —
среди густых прибрежных рощ,
у старой, мхом поросшей кладки
стен монастырского двора.
Но все, что было с ним вчера,
теперь уж не казалось важным.
Уже отпели петухи,
и ветер веял от реки,
прохладный и немного влажный,
какой бывает по утрам;
в листве тропических растений
играло солнце; по горам
от облаков скользили тени.
Вдали куда-то шли слоны,
слоновьих дум своих полны,
и, невзирая на зевоту,
меж них погонщик их шагал;
крестьянин буйвола впрягал
и принимался за работу.
Дремотой утренней томим
вол еле двигался; за ним
в траве блестящей полосой
коварно крался хитрый уж
искать лягушек между луж
в следах копыт и в бороздах;
порхала иволга в кустах,
смущенная таким соседством;
журчала по камням вода,
и не хотелось никуда,
и чем-то пахло... Пахло детством!
Так пахло маминой стряпней,
и голопузой беготней,
и озорством, и непосредством,
как в те далекие года...
И он был прежним, как тогда, —
наивным и не слишком умным...
а мир был свежим, чистым, юным,
и звуки, запахи, цвета —
все было ярко, живо, остро...
А в мире тишь и простота...
Все просто...
Боги, как все просто!
Он просто БЫЛ, без всяких «для»,
и эта древняя земля —
без целей, мудрых и великих —
купалась в утренних лучах,
и на замшелых кирпичах
плясали солнечные блики.

И здесь, на этих кирпичках,
хотелось прыгать и кричать,
вовсю давая волю чувствам,
безумства всякие творя...
а из ворот монастыря
уже запахло чем-то вкусным...
Пора! Прилив чудесных сил
манил его, и уносил,
и нес туда, где он был нужен,
под томной роскошью листвы,
по травам, диким и густым,
по облакам, плывущим в лужах...
И мир встречал его, смеясь,
внезапно, за ночь, изменясь —
мир, где вчера еще, казалось,
просвета не было вдали —

СВЕТИЛСЯ...

...а из мглы долин
над Гангом солнце поднималось...

